

Б. А. ЛАРИН.

К лингвистической характеристике города.

(Несколько предпосылок).

Prof. B. A. Larin. — Zur linguistischen Charakteristik der Stadt.

Der Inhalt der linguistischen Geschichte einer Großstadt in einem Kampfe der Sprachen besteht, der das unablässige Zusammenprallen verschiedenartiger Kulturen widerspiegelt. Wir wollen die Vielsprachigkeit der Städte als Symbiose verschiedensprachiger Kollektive von der Vielsprachigkeit der Städter, d. h. von der Mannigfaltigkeit der sprachlichen Gewöhnungen jedes dieser Kollektive, unterscheiden.

In der Sprachwissenschaft erhält sich das Vorurteil von der Einsprachigkeit sowohl der Kollektive, als auch der Individuen. In dieser Anschauung wurzelt die Klassische Lehre von der Ursprache, wie auch die Idee der „Weltsprache“. Die vor der Hand noch unvollkommene und nicht allgemeine Vielsprachigkeit der Städter wird früher oder später zur Befreiung von „Sprachparteilichkeit“ führen (dem Wesentlichen eines jeglichen Nationalismus), zugunsten einer breiten Kultursolidarität. Die Feindschaft um der Sprache willen wird, wie auch die Religionskriege, nichts als finstere historische Tradition werden.

Der Bilinguismus der Städter kann so charakterisiert werden: a) die Ausdrücke oder Konstruktionen der einen Sprachreihe besitzen kein Äquivalent in der anderen und werden, als beiden gemeinsam, angewandt; b) es lässt sich eine Reihe hybrider Neologismen beobachten, d. h. solcher Gebilde aus verschiedensprachlichen Elementen, welche in einer jeden Hinsicht der Norm sowohl der einen, wie der anderen Sprache widersprechen; c) selbst in einem bewussten Streben nach Abgrenzung der zwei Sprachreihen gewinnt man in dem gegebenen Stadium des Bilinguismus dennoch keine in phonetischer und lexikalischer Hinsicht reine Sprache. Am frühesten wird eine morphologische Einheitlichkeit erzielt.

Unter den gegenwärtigen Großstadtbedingungen lässt sich eine deutliche Differenzierung der Sprachen erwarten. Von sprachlicher Armut gehen die Städter vermittelt einer Kreuzung und unbewussten gegenseitigen Durchdringung der Sprachen zu einem Polyglottismus über, der nach und nach vollständiger wird.

1.

Разработка „социологической лингвистики“ (или „лингвистической социологии“) с недавних только пор ведется во Франции и Германии и почти не начиналась еще у нас ¹⁾. Больше всего

¹⁾ См. очень сжатый и не совсем полный обзор литературы вопроса у М. Петерсона „Язык, как социальное явление“. Ученые записки Ин-та Языка и Литературы. I. Москва. 1927, стр. 5—22.

„научных заготовок“ для нее сделано в этнологической диалектологии последнего полустолетия. Литературные языки с этой точки зрения не разрабатывались, хотя в науке о них накоплено попутно много ценных данных именно социологического порядка (например, в работах ак. Шахматова по русскому языку). Мало материалов и почти нет исследований по всем—кроме литературного—„говорам города“. Этот последний пробел, мне кажется, более всего и задерживает развертывание стоящих на очереди работ по социологической лингвистике.

Применительно к современным явлениям (оставляя пока в стороне генетические проблемы) центральной темой этого нового направления в языкознании будет—состав и структура языкового быта города.

Только вслед за ней может быть широко и достоверно трактована вторая тема—о языковом взаимодействии города и деревни.

Может показаться, что последний вопрос давно уже поднят был лингвистами, но от рассмотрения „отношений литературного языка и народных диалектов“ до нашей второй темы—большая дистанция, еще не пройденная.

Литературные языки генетически связаны с городом, но они давно уже „выросли“ из этой своей колыбели, и настолько, что не могут заменять или представлять собою языковую культуру города. Издавна и до сих пор они остаются еще достоянием одной только „верхушки“ городского коллектива. С другой стороны они не замкнуты пределами одного города или только городов, с тех пор, как сделались государственными, а некоторые, в дальнейшей экспансии „культурными“, т.-е. надгосударственными, международными. Но и в этих фазах „обобществления“ литературные языки неотрывно связаны с первоосновой своего развития и распространения—со сложным и богатым языковым бытом большого города или нескольких больших городов родины¹⁾.

Нельзя понять эволюции и судеб литературного языка, пока к этому материалу не применены социологические принципы исследования. Нельзя приступить к социологическому истолкованию литературного языка, пока не изучается его непосредственная лингвистическая среда, т.-е. остальные типы письменного языка и все разновидности разговорной речи городского коллектива.

Ведь даже так называемая „литературная“ разговорная речь (образованных) обследовалась очень мало, исключительно у языков международных—почти только для практических целей,—иначе говоря—не изучалась, а лишь ненаучно и неполно описывалась²⁾. Остальные „городские говоры“ представлены в беспорядочных коллекциях языковых раритетов и резких отклонений от литературного языка. Между тем это необходимое среднее звено между диалектологией деревенской и учением о литературно-книжном языке.

Таким образом ясно, что именно отсутствие в научной традиции „диалектологии города“ обуславливает и явно ощутимую задержку

¹⁾ Показательны в этой связи жалобы писателя-эмигранта на омертвление русского литературного языка в зарубежных русских колониях. (Тэффи. Танго Смерти. Зиф. 1927.

²⁾ О французской разговорной речи указанного типа много научных сведений в работах Ch. Bally. *Traité de stylistique française*, I—II, и др. Об итальянской—Leo Spitzer. *Italianische Umgangssprache* I. Bonn u. Leipzig. 1922. О немецкой—H. Wunderlich. *Unsere Umgangssprache*. Weimar-Berlin 1894 и H. Meyer. *Der Richtige Berliner in Wörtern u. Redensarten*. 9 Aufl. 1925.

разработки культурно-исторических вопросов языковедения и отсутствие систематических работ по социологической лингвистике.

Я не буду выяснять здесь причин этого запоздания с постановкой и разработкой вопроса о „языке города“, так как это сделано в другой моей статье (см. „Русская Речь“. Новая серия. Кн. III). Займемся выяснением некоторых особенностей языкового состава и языковых взаимоотношений в городском коллективе.

2.

Богатство и разнообразие во всех сферах жизни присущи большому городу. Массовость и напряженность борьбы на разных путях человеческой деятельности — второе свойство города.

От этих кардинальных признаков можно отправляться и в лингвистической характеристике города. Языков здесь всегда много, сожительство их едва ли когда-нибудь можно было назвать мирным. Содержание лингвистической истории большого города — в борьбе языков, отражающей непрестанное столкновение и скрещение в нем разнородных культур.

Всякая устойчивая социальная группа — помимо всех других условий своего образования — объединяется общностью языка, наличием кроме других (индивидуально разных) одного общего языка. Тесная и длительная солидарность не может осуществляться без этого. А с другой стороны — только при противопоставлении или столкновении с иной группировкой обнаруживается сплоченность коллектива. Язык, таким образом, оказывается всегда фактором социальной дифференциации не в меньшей мере, чем социальной интеграции. Мы сильнее даже ощущаем его организационную роль — поскольку он бывает средством обособления общественных групп. Именно против остальных каждая языковая „партия“ в городе (как в фокусе государства) отстаивает „свой“ язык, т.-е. тот, какой наиболее привычен ее членам. Одним единственным диалектом располагают разве дикари. Два диалекта (или больше) в условиях современной государственности навязываются с той или иной необходимостью каждому.

В силу этого языковое разнообразие города двояко: 1) оно не только во встрече разноразличных коллективов (будем называть это многоязычием города), но еще и 2) в многообразии языковых навыков каждой группы (спаянной каким-нибудь одним наречием), т.-е. в двудиалектности и многодиалектности, — в зачаточном или совершенном полиглотизме горожан.

3.

Как уже замечено, однодиалектность в строгом смысле теперь не характеризует и сельское население, по крайней мере в Европе. Это утверждение не может вызывать никаких сомнений, если указать, например, на крестьян, принадлежащих к нашим нацменьшинствам. Но и великорусское крестьянство двудиалектно, так как пользуется и местным говором и (хотя в меньшей мере) общегосударственным языком. То обстоятельство, что последним владеют не все и не в полной мере не имеет принципиального значения. Количественные соотношения тут очень быстро меняются и, совершенно очевидно, в определенном направлении, — к полному равновесию, а потом и преобладанию общегосударственного языка.

В городе же однодиалектных и вовсе не приходится учитывать, поскольку речь идет не об индивидах, а о социальных единицах, о коллективах. Здесь такие индивиды составляют не убывающую

категорию, как в деревне, а вовсе исчезающую. В каждом слое городского населения кроме первичного „своего“ наречия необходимо полагают еще каким-либо универсальным языковым типом, приобщающим к большой социальной среде. Для „верхушки“ — это так называемые мировые языки. Для „малокультурных“ классов — книжный язык¹⁾.

В городе только ярче обнаруживаются те тенденции, какие можно наблюдать и в каждой относительно замкнутой области с разноязычным населением. Иллюстрацией может служить пропаганда кавказского объединения у ак. Марра: „Утверждаю, что пока у Кавказа нет одного общего языка, никакие внешние гарантии, никакая физическая сила не могут сохранить устойчивость национальных свобод края. Кто даст Кавказу тот общий язык, он и только он будет творцом действительно культурной его свободы. Без этого единого общекавказского языка для Кавказа гарантировано в лучшем случае замаскированное лозунгами свободы духовное рабство“²⁾. Здесь можно ясно видеть всю силу дифференциальной тенденции, выражающейся в борьбе за „свой“ язык, ибо весь пафос этой брошюры устремлен против русского языка. А вместе с тем — на фоне обзора множественности и коренного различия языков Кавказа (какому посвящена брошюра) — такое осознание необходимости общего языка как будто должно бы привести автора к программе всеобщей дву- и многоязычности. Этого мы у него не находим. Он остается в шорах традиционного „языкового монизма“.

Здесь делается попытка убедить читателей в его несостоятельности.

Вернемся к положению о двудиалектности горожан. Из двух или нескольких диалектов, знакомых какой-нибудь группе городского населения, — один всегда будет предпочтительным для нее, и потому естественно, что, примыкая к некой языковой „партии“, все стремятся этому одному диалекту обеспечить наибольшее распространение. Понятно, что предпосылкой языковой борьбы является относительная численность приверженцев у разных диалектов. А исход борьбы определяется — кроме других моментов — культурным весом диалекта.

4.

В меру социальной и культурной значимости каждого из диалектов борьба может идти или за господство или за возможность обочного существования. И в том и в другом случае — вторые диалекты не исключаются из обихода в полной мере. Языковое господство может принимать формы насильственные при вмешательстве в языковую борьбу государственной власти в пользу одной стороны, — обочное существование тогда сводится к угрожаемому. Такова „лингвистическая ситуация“ (выражение А. Мэйэ) современной Румынии, Польши и дореволюционной России. Однако к одноязычию это

¹⁾ Объективным показателем двудиалектности в указанном мною смысле может служить распространение грамотности.

Так в Ленинграде грамотных в 1869 г. было: м. 66,3%, ж. 50,7%; в 1910 г.: м. 85,2%, ж. 64,4%; в 1920 г.: м. 89,3%, ж. 79,7%; в 1926 г. из 1.590.770 чел. грамотных 1.225.122, т. е. около 80% — в среднем (все эти данные — за вычетом военнослужащих). См. „Материалы по статистике Петрограда“, вып. 4. Пд. 1921. Цифры за 1926 г. из публикации в Веч. Кр. Газете. Некоторое понижение последних лет объясняется наплывом чернорабочих.

По предварительным данным переписи 1926 г. в городах РСФСР (без Урала, Крыма и 5 губерний) средний процент грам.: м. 75,81%, ж. 62,68% (в селах: м. 52,44%, ж. 27,47%). В Белоруссии — города: м. 73,25%, ж. 59,36% (села: м. 50,14%, ж. 21,52%). См. „Культурное строительство СССР“. Октябрь 1927 г. Диаграммы 32 и 33.

²⁾ Ак. Н. Марр. К изучению современного грузинского языка. Пд. 1922, стр. 4.

не приводит. С другой стороны ни политическое равноправие языков, ни даже стремление государственной власти создать более благоприятные условия для развития диалектов слабейших по социальной и культурной базе — не прекращают языковой борьбы. О кратчайших путях к четкому размежеванию и мирному соревнованию вместо ожесточенной борьбы языковых партий скажем ниже.

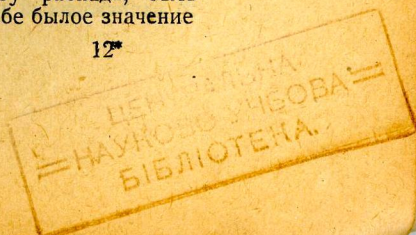
В стране с однородной и более или менее централизованной культурой практическая необходимость в одном общественном языке — наряду с многими областными и групповыми — так велика, что он создается даже там, где ему трудно получить преобладание над сильными конкурентами (напр., эллинистический „койнэ“), и там, где в его пользу не мог оказать давления государственный аппарат (напр., гиндустани в Индии) ¹⁾.

Варварское вмешательство государственной власти — запрещение всех языков кроме одного — всегда задерживало процесс „обобществления“ данного языка (в большой исторической перспективе). Более культурная языковая политика — обеспечение права на выбор языка за каждой социальной группой („охрана нацменьшинств“) — по существу пассивна, ход языковой борьбы отдается на волю каких-то стихий или „исторического случая“. И здесь политическая догма в ногу с господствующей лингвистической — отстает от языковой действительности.

В традиционном историческом и теоретическом языковедении прочно держится предрассудок одноязычности социальных групп (соответственно и мнимой одноязычности индивида). Как праязык восстанавливали — веруя в его единство для больших общественных объединений далекого прошлого, точно также и в лингвистическом обосновании национализма (хотя бы у Потебни) отправлялись от догмата одноязычности нации, — наконец в силу этого же „суеверия“ языковую ситуацию далекого будущего тоже представляют себе как универсальное распространение одного языка.

Неудивительно, что при таком выдержанном „единомыслии“ в лингвистике и политическая теория стремится внести в „хаос“ языковой борьбы тот порядок, что каждый диалект приурочивается к известному коллективу, и власть стремится не допускать насилия одной языковой партии, — достичь идеального равновесия их. Усилия эти почти бесплодны, борьба и вражда из-за языков продолжается. Вмешательство власти должно быть сообразным с языковым бытом современных общественных формаций и в особенности передовых — городских. Двудиалектность и многодиалектность, зачаточный и совершенный полиглотизм широко здесь распространены. По мере того, как явления этого порядка будут обследованы и учтены, перестроятся многие лингвистические теории (литературного языка и др.). А в политической практике неизбежна правовая и финансовая поддержка всеобщего двуязычия и потенциального полиглотизма. В государствах со множеством языковых партий проведение двуязычия с одним постоянным и вторым переменным диалектом — от школы до армии (и, конечно, в государственном аппарате) абсолютно необходимо. В частности наша ближайшая задача — всеобщая грамотность на двух языках.

¹⁾ Здесь надо указать еще раз на громадное значение „дифференциального“ момента, противопоставления себя другим с опорой в языке; — разнородные этнические и государственные лоскутья Индии тяготеют друг к другу в борьбе с англичанами. С падением английской силы Индия неминуемо вступит в полосу распада, быть может и кратковременного. Едва ли „гиндустани“ после этого вернет себе былое значение

Языки в культурном и социальном отношении невесомые обречены исчезнуть какие бы меры для их сохранения ни принимались, так как они тормозят хозяйственное и культурное развитие своих носителей, ведут к их изолированности и отсталости. Но это выключение из обихода какого-нибудь диалекта возможно только после переходного периода двуязычности (так происходит „вымирание“ бретонских диалектов во Франции, баскских в Пиренеях, лужицких в Германии, кельтских в Англии, в нашем Союзе йиддиш'а (еврейского жаргона) и др. ¹⁾).

5.

Как ясно из предыдущего, тремя основными факторами определяется судьба языка: культурным весом, характером социальной базы и вмешательством политических сил. Когда все они действуют в пользу одного языка, то он быстро и прочно выдвигается как постоянный при переменных вторых (и третьих). Таково положение французского литературного языка в многоязычном Париже и во Франции (многоязычной и многоязычной), ново-верхне-немецкого в Берлине и Германии, русского литературного в Москве, Ленинграде и т. д.

Почти такова же лингвистическая ситуация в тех городах, где правительственный и наиболее культурный язык получил преобладание над массовыми местными („низовыми“) диалектами; в составе населения таких городов большинство принадлежит к „ассимилированным“ (прошедшим уже через стадию двуязычности). Такова история „латинизации“ или романизации городов (и гораздо позже деревень) Зап. Европы, и распространения испанского языка в городах Мексики и Ю. Америки, английского (через города) в Сев. Америке. Этим же положением объясняется возобладание французского яз. в Бресте и Биарице, русского в Одессе и Уфе (даже и теперь еще, когда переменялся язык правительства для последних двух городов).

Если же указанные основные факторы действуют перекрестно или друг против друга, — языковая история города оказывается сложной, преобладание или переходит от одного диалекта к другому или вовсе не достается никому, наблюдается неустойчивое равновесие нескольких языков. Примеры — Вильно, где почти тысячелетие борются с переменным успехом литовский, русский, польский; Страсбург — с немецким и французским; Константинополь с греческим и турецким; Самарканд и Ташкент с узбекским, таджикским и русским; Прага, Лозанна, Триест и др.

Будущее принадлежит именно языковой ситуации этого последнего типа, только с четким размежеванием языков и полным прекращением языковой борьбы, — т.-е. уравновешенному и всеобщему полиглотизму.

Исторические перемены языка в стране, т.-е. распространение нового, как второго языка в ряде коллективов, начиналось всегда с городов. Однако, только большие города бывали и будут базой всяких широких культурных объединений, а села и „деревенские города“ остаются главным оплотом культурной и языковой косности и разобщенности. Пока еще несовершенная и не всеобщая много-

¹⁾ Ср. тезисы Ю. Ларина относительно йиддиш в статье „Об извращениях при проведении национальной политики“ (Большевик 1926, № 23—24, 1927 № 1); „Корни принудительной евреизации двойки: 1) шовинистическое руссфобство [на Украине], 2) направленный против „конкурентов“ антисемитизм“ № 23—24 с. 52.

язычность горожан рано или поздно послужит к освобождению от языковой партийности (сущности национализма) ради культурной свободы и широкой солидарности. Ослабить и целесообразно использовать дробящие и разрушительные силы языковой борьбы можно будет только тогда, когда, отказавшись от „догмы одноязычности“ (как отказались от языковой „велидержавности“) будут пропандировать полиглотизм¹⁾ и доводить до конца существующее давно в языковом быту города двуязычие — через реформу школьного преподавания²⁾.

Вражда из-за языка — как религиозные войны — скоро станет тяжелым историческим воспоминанием, а национализм (как религиозный фанатизм уже теперь) потеряет свою силу в культуре будущего.

б.

Наивно представление о будущем солидарном человечестве с одним „мировым“ языком (если даже речь идет не об одном из „идо“). Это пережиток деревенского, захолустного языкового кругозора. Наследие и тяга к своему сельскому, феодальному прошлому очень еще велики во всех сферах культуры горожан³⁾. Они неотвратимо изживаются в некоторой очередности. Сейчас, напр., для больших городов Союза пришла пора выйти из одноязычности во всех смыслах — ради назревающей необычайно широкой солидарности разнотрутурных коллективов.

Ведь мы не можем рисовать будущее в формах феодальной или мелко-буржуазной областнической культуры. Как же допускать и предположение об единственном языке! Это две грани одной культурной стадии. Для распространения одного „мирового“ языка необходимо было бы и совершенно невероятное исчезновение многих мощных по социальной и культурной базе языков, и настолько же невероятное одноязычие высококультурных и космополитических коллективов.

На пути к общечеловеческой солидарности (в некоторых областях культурной жизни уже осуществляемой) мы должны пристально и широко изучать быт больших городов, где она выковывается; и активно поддерживать все ведущие к ней тенденции. Одна из важнейших — распространение многоязычности.

Лингвистическое изучение больших городов — в самых начатках. Однако и теперь уже видны основные процессы: таяние мелких и небогатых культурой языковых групп, расширение билингвизма, увеличение категории полиглотов. Выживают, как претенденты на универсальное употребление, только немногие, но число таких языков увеличивается. Сперва только испанский, французский, английский, потом немецкий, итальянский, русский, а в будущем, вероятно, еще один из турецких, индийских и китайский (графически общий) — каждый со своей сферой преимущественного употребления, но без линейных рубежей, с полосами уравновешенного сосуществования⁴⁾.

¹⁾ Теперь я могу указать на появившийся газетный призыв к изучению иностранных языков ак. Карпинского, Луначарского и др., а также статьи проф. Щербы и проф. Шишмарева на эту тему в Веч. Кр. Газете.

²⁾ Перекрестные связи языковых коллективов через немногих „толмачей“, как это ведется со времен берендеев и доньше, достаточны только при очень слабой интеграции их, при поддержке „перегородок“ отчужденности.

³⁾ И не только русских (в этом я расхожусь с Н. Анциферовым. Ср. его „Пути изучения города, как социальной организации“. Ленинград, 1925, стр. 14—19 сл.).

⁴⁾ Испанский и французский заметно теряют свой вес, английский, возможно, сохранит его в своей американской формации.

7.

Любопытный пример разрешения языкового соперничества дает Финляндия.

Многовековая борьба двух культурных коллективов — шведского и финского — обострялась и приобретала все новые силы от параллельности между языковым и социально-экономическим делением населения. Крестьянство почти сплошь финское, а знать, буржуазия и большинство бюрократии шведские ¹⁾. По данным 1900 г. говорящих по-фински было 88%, по шведски 11,6%, при чем в городском населении шведы составляли до 25%, в сельском до 9%. Почти столетие финны добивались политического равноправия для своего языка. Сперва он был введен в судебном и административном производстве (с 1886 г.), потом в учебном деле (в университетах с 1894 г.) и, наконец, в армии, как обязательный второй, параллельный язык. Наиболее культурным слоем и той и другой „нации“ давно свойственно употребление двух этих языков. Современное положение один из авторитетнейших финских лингвистов, проф. Сэтэле, изображает так: „Финская нация располагает двумя наречиями. Эта ситуация имеет неудобства, но и свои преимущества. Кто знает два языка — служит посредником между Финляндией и Скандинавией... Патриотическое сотрудничество шведоязычных граждан с финноязычными, соревнование без малейшей отчужденности — будет лучшей гарантией для шведского языка, который сможет беспрепятственно продолжать свое „цивилизционное дело“ ²⁾.

8.

У нас языковая ситуация пока остается очень мало соответствующей той тяге к мировым масштабам, которая отличает эпоху.

Несовершенная постановка изучения „вторых“ языков, невысокий средний уровень культуры, а отсюда не широкие и не напряженные взаимоотношения разноязычных масс ³⁾, — все это объясняет характерную для нашего времени (и в особенности для нашей страны) неполноту и неотчетливость знакомства с параллельными языками. Пересмотрим ряд примеров — и тут каждый читатель припомнит еще множество известных ему подобных языковых фактов. (Воспроизвожу их с дипломатической точностью) ⁴⁾.

1) Из речи на публичном диспуте о постановке „Ревизора“ в театре им. Мейерхольда: „Мы жив'ём в очень тяжолые врэм'я со срэтствамы ⁵⁾... Я не знаю, куда он ыдёт, т. Мэйерхольт, Зачем эти пастанофкы ыс шкафамаы ыс корэльской берозы“ ⁶⁾.

¹⁾ Аналогичны были отношения на Украине и Белоруссии между панами-поляками или русскими — и холопами украинцами и белоруссами.

²⁾ E. Setälä. La lutte des langues en Finlande. Paris 1920 p. 31 — 32.

³⁾ Далеко не целиком даже „верхушка“ отдельных наших республик двуязычна, а меж тем на ней лежит ответственная задача установить и упрочить культурные связи своего района — сперва внутри Союза, а потом и за пределами его.

⁴⁾ В предупреждение возможных недоразумений замечу, что цитируемые ниже мои материалы должны свидетельствовать о наличии в разных слоях нашего современного городского населения разностороннего билингвизма, — иногда совсем эмбрионального иногда не окончательно упорядоченного. Если бы общее внимание было сосредоточено на этом несовершенстве усвоения того или другого языка, если бы всеобщая двуязычность была осознана, как одна из первых и необходимейших социальных потребностей, то явления, подобные указанным здесь мною, быстро перевелись бы.

⁵⁾ Переживаем период больших финансовых затруднений.

⁶⁾ Имеется в виду дороговизна постановки.

Говоривший это — одессит и в русском языке — самоучка. Наша общая языковая невзыскательность делает возможными подобные публичные выступления.

2) Ответ студента I к. нашего ПедВУЗ'а на анкету с вопросом об отличиях его материнского диалекта от литературного языка: „Н... зырянин-крестьянин, ок. шк. II ст. Наш литературный язык возрождается еще т.-е. определенного нет, а напишу некоторые русские слова которые употребляются в зырянском языке, но их значений переведенное чисторусский язык другое или окончание измененное

пойдешё — пойдеш (ед. ч.) или пойдёмте (мн. ч.)

огашли — огасли

яблѡк — яблоко

обук — тупой человек

кушань — кушай“

3) Другой ответ на ту же анкету: „Ф. — латыш, отец рабочий (учился) 1915 — 1920 Москве 1920 — 1926 г. Риге. На латышском литерат. яз. есть большая различие между материнским. Есть уезды где говорят таких слова которые давно исчезли как, на пр. „Ziergs sieris, duris и даже интуация других буква изменяется окончание большое часть на материнском стречается а, е, а на литерат. больше i, а“.

В этих двух случаях — изучение второго языка велось в школе на протяжении ряда лет, — и это, как видим, дало результат немногим отличающийся от чисто изустного („бытового“) обучения ему. Во всех трех случаях неоспоримо было стремление пользоваться отчетливо ограниченным, нормализованным русским языком.

4) Ответ на ту же анкету студ. Р: („Родн. яз.) беларуско-русский. Родители мои являются представителями народа, который носит с собой название белоруса. Некоторые утверждают, что название это „белорусс“ присуще, как моим родителям, так и целой области (в последнее время одной из республик СССР“).

5) Ответ студ. С.: „Орловской губ. Под частую мы встречаем самое ужасное искажение русского языка... Напр. вместо есть говорят шамать, жрать... Но этот вышеперечисленный диалект находит себе отличие по мере приближения к центральным городам и в частности к Ленинграду, здесь более диалект отличается тем, что столица говорит с большим пафосом...“

В последних двух текстах, вследствие близости компонентов двуязычности, „погрешностей“ гораздо меньше; они не в орфографии, морфологии и синтаксисе, — а в словоупотреблении, т.-е. в лексике и стилистике

6) Учитель-оратор на педагогической конференции в Киеве: „нужна извесных предпасылак“ (под влиянием подразумевавшейся украинской конструкции с „треба“).

7) Другой оратор там же: „в чом власная сущность вопроса“.

8) Преподаватель Киевского Ин-та Нар. Обр. в докладе читанном в Ленинграде: „Госиздат выдал (=напечатал, издал) нам несколько книжек... Она есть колоссальным фактом“...

9) Доцент Л. Гос. Унив-та на заседании предметной комиссии говорит: „У меня у секретаря подана“ [заявка о читаемых курсах] и еще: „отзыв у меня одан“.

В этих примерах (6 — 9) в контекст одного языка попадает слово или конструкция из другого диалекта, одинаково хорошо известного

говорящему. Важна здесь принадлежность этих говорящих к высшему культурному слою. Из последних фактов вовсе не следует делать заключения, что вполне отчетливое размежевание двух или нескольких языков, усвоенных одинаково хорошо, очень трудно или невозможно. Явлений, аналогичных приведенным, гораздо меньше, чем случаев безукоризненного употребления того или другого языка этими же лицами и вообще двуязычными и полиглотами.

Относительное увеличение случаев языкового смешения объясняется частными условиями нашей современной жизни: новизной употребления некоторых языков (еще не полным овладением ими), культурной разнородностью состава общественных группировок (смешанный язык иногда является приемом приспособления к своей среде), наконец отсутствием пропаганды полиглотизма. Если всякого рода авторитеты дружно прививают убеждение в необходимости одного только языка, то неизбежно и целесообразно обогащать его всяческими примесями; только таким путем можно сделать его универсально применимым. Надо думать, что и теоретические догмы влияют на языковой быт (и прежде всего в больших городах).

В итоге сделаем несколько обобщений из наблюдений над городским билингвизмом.

В процессе речевой деятельности при билингвизме два языковые ряда во многих элементах встречаются, так что термин или форма одного ряда не имеет эквивалента в другом, и употребляется в обоих как нормально общий им. Это затемнение границы диалектов может оказаться устойчивым только в среде лингвистически не дифференцированной и мало культурной, где чутье языковой нормы не поддерживается никакими социальными мерами (что чаще имеет место в деревне и редко в городе).

Дальнейшим результатом двуязычия в такой обстановке являются гибридные неологизмы, т.-е. такие образования из элементов двух языковых рядов, которые противоречат в каком-либо отношении норме и того и другого языка (говорящий этого не может осознать, конечно, если его среда не дает никакого отпора таким неологизмам).

При произвольном стремлении разграничить два языковых ряда получается на данной стадии билингвизма все же не чистая речь в отношении фонетики и лексики.

Прежде всего достигается формальная, грамматическая выдержанность. Школа и постоянное общение с носителями нормализованного типа данных языков — ведут к этому. Лучшие условия для этого опять-таки дает город.

При параллельном распространении двух литературных языков в коллективе большого города надо ожидать не усиливающегося смешения их, а все большей дифференциации. Подъем культурности ведет к упорядочению языкового быта, от языковой бедности к накоплению и все более целесообразному употреблению языковых средств, через скрещение и неотчетливое перемешивание языков — к совершенному полиглотизму.